

Надежда Мамаева

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Надежда Мамаева

Академия темных властелинов

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2018
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М22

Серия основана в 2011 году
Выпуск 342

Художник
А. Клепаков

Мамаева Н. Н.

М22 Академия темных властелинов: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2602-7

Если судьба решила, что ты должна случайно умереть в молодом возрасте, с этим тяжело спорить. Тяжело, но возможно. Особенно если вооружиться юмором, иронией и умением убеждать. И не важно, что договариваться придется с самой Смертью. А вот к чему могут привести такие переговоры, задумываешься, уже оказавшись в другом мире и теле.

Мыслительному процессу помогут пересуды за спиной и милые родственнички, жаждущие упрятать тебя в дом скорби. В такой ситуации остается одно — бежать и прятаться в стенах Академии темных властелинов, ведь у тебя оказался дар некроманта: ты поцелована Смертью. Но так ли безопасно в магистерии? Шпионские игры, заговоры, от которых не укрыться даже за широкими черными крыльями главы внешней разведки... И наемный убийца, который совсем близко. Под какой из масок скрыто его истинное лицо?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мамаева Н. Н., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2602-7

Автор сердечно благодарит Светлану — за внимание к деталям, Максима — за морковку, Ольгу — за огранку и дорогих читателей — за поддержку.

ПРОЛОГ

Проливной дождь пошел резко и стеной, словно кто-то вспорол небесный бурдюк, полный воды. Капли застучали по крышам, забарабанили по разлапистым листьям каштана, начали отплясывать джигу на подоконнике распахнутого настежь окна второго этажа и поливать мужчину, цеплявшего пальцами за самый край карниза. Вот только вероятность промочить сюртук насквозь волновала его меньше всего. Висевший был занят очень важным делом: он подслушивал. А разговор в комнате, освещенной в этот ночной час тремя дюжинами свечей, велся презанятный.

— Так, значит, нужно отправить в бездну этих пятерых? — Голос с характерной для курильщика хрипотцой был спокоен и деловит.

— Да, и желательно, чтобы убийства были громкими и не оставляли сомнений, что это именно не случайная смерть. — Второй, наоборот, обладал приятным баритоном человека, привыкшего не просто говорить, а заставлять собеседника слушать.

— Хорошо, я передам ваши пожелания моему исполнителю, — усмехнулся любитель табака.

— Надеюсь, он стоит тех денег, что я плачу.

— Даже не сомневайтесь, этот мастер — один из лучших в гильдии Черных Плащей.

Порыв ветра заставил створку удариться об откос и, черпанув пригоршню капель, закинул их в нутряное тепло комнаты.

— Позвольте закрыть окно, а то становится промозгло. — В баритоне слышались сварливые нотки. А после этого — характерные шаркающие шаги, словно говоривший хромал.

Подслушивавший разговор мужчина расцепил замерзшие практически до бесчувствия пальцы и полетел вниз, руководствуясь принципом: лучше иметь сломанную ногу, чем не иметь на плечах головы. А то, что он ее лишится, едва собеседникам в комнате станет известно, что у их разговора есть свидетель, было очевидно.

ГЛАВА 1

Нет хуже награды, чем похвала начальства. Оттого что за ней чаще всего следует речь в духе «ты — молодец», «наш коллектив тобой гордится» и «соверши трудовой подвиг во благо начальства». Я предпочла бы льстивым речам пополнение зарплатной карты, но главбух посчитала иначе. Подойдя ко мне под конец рабочего дня с миной анаконды, только что разбавившей свой пищевой рацион отборной крольчатинной, она похвалила меня за отчет и расторопность, а потом положила на стол пухлую папку: стопка счетов-фактур за квартал. Елейным голоском мне сообщили, что Лейлочка, по совместительству невестка Джоконды Степановны, как значилось полное имя нашего главбуха, приболела, а сверку итогов надо провести пренебрежнейшим образом сегодня.

Выдав эту ценную информацию, на меня уставились в упор. Дескать, попробуй возрази. Я молча проглотила, лишь кивнув. Прописную истину «не нравится — увольняйся» знает каждый, кто хоть когда-то работал. Но пока зарплата все же удерживала, да и стаж был нужен.

Не распахивали конторы гостеприимно двери перед вчерашними выпускницами, впрочем, как и перед позавчерашними. Я даже усмехнулась: в двадцать не найдешь работу оттого, что нет стажа, в тридцать — потому как уже есть маленькие дети и часто будешь уходить на больничный (а то и в еще один декрет), в сорок — уже не так расторопна, а в пятьдесят — слишком большой багаж знаний, которым можешь задавить пламенный спич молодого директора. Из этого порочного цифрового круга 20-30-40-50 порой мне виделся единственный выход: 90-60-90. При таких параметрах руководство зачастую закрывало глаза на все остальные, как то:

квалификация, исполнительность, пунктуальность... Хотя был еще один карьерообразовательный способ, но ради него терпеть такое свекровище, как Анаконда Джокондовна (как за глаза называли начальницу офисные коллеги), я бы ни за какие коврижки не согласилась.

Часы продолжали свой бег, офис пустел, охранник любовно поглаживал сканворд, периодически кося на меня глазом в открытую дверь.

Я задерживалась. Основательно так. На столе стояло уже пять грязных кружек из-под кофе, когда я с наслаждением потянулась и выключила монитор. Расквиталась.

Лампочка моргнула. Скачок электричества, что ли? В вентиляции запели то ли застенчивые духи, то ли подгулявший мартовский ветер.

Настенные часы показывали два часа ночи. Соблазн остаться на рабочем месте и прикорнуть на диванчике был велик, но я решила, что лучше поспать на час меньше, но на нормальной кровати, чем скрючившись в три погибели, а потом весь день хвататься за поясницу.

Вызвала такси, благо съемная квартирка, которую мы делили с подругой, находилась недалеко от работы. В получасе езды. В ожидании эсэмэски с номером машины накинула на плечи плащ и, распрощавшись с охранником, вышла из офиса.

Коридор радовал глаз приглушенным светом, а вот тишина, столь несвойственная зданию бизнес-центра, наоборот, настораживала. Подойдя к лифту, по привычке не задумываясь нажала кнопку вызова. Именно в это время мобильный пискнул.

Я начала рыться в сумочке в поисках пиликалки, когда створки лифта разъехались. Все так же копошась в недрах своего баула, не глядя шагнула вперед. Нога не нашла опоры, а сила земного притяжения, напротив, никуда исчезать не собиралась. Оттого я с криком полетела в шахту лифта.

Двенадцать этажей. Это много или мало? Пока взберешься по лестнице на высоченных шпильках, по ощущениям — покоришь Эверест. За это время успеешь проклясть и изверга-архитектора, и свою работу, и лифтеров, что никак не починят лифт. А вот если летишь вниз...

Говорят, за миг до смерти перед глазами проносится вся жизнь. То ли молва врет, то ли моя жизнь была столь скучна и однообразна, но передо мной пролетели только тридцать метров бетона. Удар.

Мое тело упало на чертову кабину, которая так и не приехала. Она стояла на первом этаже, а внизу под ней суетились ремонтники.

Но все это я поняла спустя несколько мгновений безумной боли, когда меня буквально вышибло из собственного тела.

Я висела над собой. Вернее, над тем, что от меня осталось. Россыпь веснушек на скулах рассклели сразу несколько шрамов, рыжие волосы начали пропитываться кровью, ноги были вывернуты под неестественным углом.

Меня теперешнюю от меня привычной, живой, отделяли всего лишь три секунды. Гребаные три секунды и один шаг! И телефон, на разбитом дисплее которого красовалась издательская эсэмэска: «Такси выехало. Красный «рено», номер а848мк. Время ожидания 7 минут».

Больше было некуда спешить. Мне. А вот ремонтники, услышав удар, засуетились. Полезли проверять, и тут я... лежу, почитаю.

Мужик в комбинезоне, первым выбравшийся из шахты, увидев мою неземную красоту, побледнел до синевы. Эдак я соберу целую компанию призрачных душ. Судя по тому как сей упитанный дядька схватился за сердце и начал заваливаться, у него были все шансы присоединиться ко мне. Вот это будет поворот судьбы: собственной смертью отомстила своим невольным убийцам.

Истерический смех, как выяснилось, свойственен не только людям, но и призракам. Только он был беззвучным. Случившееся выглядело столь абсурдным, что я просто не могла в это поверить. Казалось, что это просто дурной сон, что задремала на рабочем месте, упала лицом на клавиатуру. Вот сейчас проснусь, посмотрю на папку со счетами и продолжу составлять отчет... милый, любимый отчет.

Ведь такого просто не могло случиться со мной!

У второго рабочего нервы оказались покрепче. Он подхватил своего напарника, усадив его прямиком на пол и приклонив спиной к стене. А сам подошел к моему телу и прижал палец к шее, затаив дыхание. Долго стоял, минуты три, а потом обреченно бросил:

— Звони начальству. И в «скорую». Пусть труповозку высылают.

Это его «труповозку» прозвучало так естественно и правдиво, что захотелось заорать благим матом. Но тут из темного угла раздался скрипучий голос:

— Ну что, убедились, что окочурилась? Тогда пойдем со мной.

Тень, еще мгновение назад представлявшая собой бесформенный сгусток тьмы, сделала шаг вперед. И я увидела ее. Смерть. Она явилась, как и положено, с косою и в черном балахоне. Единственное, что выбивалось из традиционного образа, — планшет, который она держала в своих скрюченных пальцах.

Идти куда-то с этой образиной не хотелось, оттого я поступила в лучших традициях организаторов торгов: начала тянуть время в надежде выгадать.

— А вы, простите, собственно, кто? — задала я самый нелепый из всех вопросов, что смогла придумать.

Ведь известно: чем глупее вопрос, тем на него тяжелее ответить.

— Ну и души пошли! Как можно меня не узнать? — возмутилась Смерть. — Я для кого, спрашивается, униформу надевала? Для кого обязательную атрибутику брала? — Она в сердцах потрясла косою.

«Рабочий инструмент» у костлявой, к слову, был даже с фирменным логотипом и надписью на обушке: «Вот и все, ребята!»

— Нет, не признала, — стараясь, чтобы голос звучал смущенно, ответила я и добавила, отыгрывая альтернативно одаренную девицу: — Так вы все-таки кто?

— Смерть твоя, — выплюнула капюшонистая старуха со злостью. — За тобой пришла.

— А точно за мной? — заелозила я, как кот после лотка.

Старуха начала терять терпение:

— Да за тобой, за кем же еще-то?

— Ну вот там дядечке еще плохо... — протянула я в ответ, указывая на несчастного, который и не подозревал, что на него сейчас в упор уставилась Смерть.

Она глянула на ремонтника, которого я ей усиленно сватала, а потом начала тыкать в планшете.

— Нет... Этот у нас по распределению пойдет только через двенадцать лет. А то, что он за сердце схватился, — ерунда. У него повестка на ноябрь две тысячи тридцать первого года стоит.

— Повестка? — удивилась я, судорожно вспоминая, а не приходила ли мне такого рода листовочка. Вдруг я что упустила?

— Ну да, — как о чем-то само собой разумеющемся ответила Смерть. — Микроинфаркт.

М-да, вот тебе и «повестка».

— Так ты пойдешь со мной или нет? — устало протянула Смерть.

Я решила, что если спрашивают, значит, есть вариант отказать. В противном случае со мной бы не церемонились.

— А если нет?

— Тогда останешься призраком. Через век приду за тобой опять. Спросить, не передумала ли.

И столько тоски было в ее голосе, что я решила уточнить:

— А что в этом такого? Ну поброжу немного среди живых. Мне, может, на тот свет жутко не хочется...

— А мне из-за тебя премии лишаться не хочется! — выдала Смерть. — У меня, может, на участке привидений и так полно, а ты мне своим «не хочу» и вовсе лимит превышаешь. — А потом куда-то в сторону добавила: — Эх, развели тут политику добровольного согласия, не то что раньше...

— Так оставили бы меня в живых, — начала я ее уговаривать в лучших традициях одесских эмигрантов. — И вам же лучше, и мне радость.

Сейчас я была согласна на любую жизнь. Пусть с изуродованным лицом, пусть на костылях...

— Не могу. У меня на тебя обязательная разнарядка на сегодня стоит, видишь? — И развернула экран планшета ко мне.

Действительно, там напротив моих имени-фамилии значилась сегодняшняя дата и пометка «забрать». Но тут на экран выплыло сообщение с маркером «срочно!».

— Ой, а у вас там... — начала было я, но Смерть уже и сама повернула к себе дисплей. Прочитав сообщение, не удержалась от комментария: — Опять эта суицидная. Сказала же ей еще в тот раз: «Твое время пока не пришло», — так нет же, она опять за свое.

— А что такого? — лишь из чувства противоречия решила я возразить своей собеседнице. — Ну захотел человек умереть!

— Вот мне где все эти ваши хотелки! — Смерть провела ребром ладони там, где у людей обычно находится шея. — Одна умирать не хочет, вторая на тот свет рвется. А у меня в одном мире лимит того и гляди превышен будет, во втором — перевыполнение плана.

Что такое перевыполнение плана, я знала хорошо. Это сначала ты передовик и молодец. Как же, сделал больше нормы! Начальство тебя за это похвалит. Зато в следующий квартал впаяет новые показатели нормативов. Выросшие аккуратно настолько, насколько ты этот самый план умудрился перевыполнить.

— Сочувствую, — сдуру ляпнула я.

Смерть презрительно протянула:

— Сочувствует она... А раз так, то пошли со мной. Уговаривай вас тут еще. Одно слово — молодежь. Вот старики даже и не спрашивают меня, кто такая да зачем. Сразу узнают и идут, куда скажу...

И тут я вспомнила, как наша Джоконда Степановна умудрялась виртуозно мухлевать с отчетами, так мастерски тасуя цифры для налоговой, что и не подкопаешься. У нее щепенка могла проходить по цене мраморной крошки второй категории, а бригада из пяти человек — возвести монолитку за полгода. И как ни бились проверяющие головой об папки с документацией, доказать мухлеж не могли.

— А может, мы местами поменяемся с этой вашей суицидницей? Раз ей так хочется прокатиться в лодке по Стиксу, я не против уступить ей свое место, — внесла я предложение.

— Ты на что меня толкаешь? Это же подлог! — возмутилась Смерть.

— Подлог — это когда насовсем, а у вас производство бесперебойное, поточное. Рано или поздно даже при обмене телами я к вам попаду... А так — у вас статистика в норме. Опять же премия... — начала соблазнять я, лихорадочно вспоминая, что еще успела сообщить мне во время нашего разговора Смерть.

Она в задумчивости побарабанила пальцами по планшету и наконец выдала:

— Говоришь, сильно жить хочешь?

— Очень! — горячо заверила я.

— Ну смотри, сама напросилась. — С этими словами костлявая приблизилась и откинула капюшон.

На меня уставились глаза самой бездны. А потом старуха раззявила беззубый рот и начала втягивать воздух, а вместе с ним — и меня.

Меня закрутило, как в водовороте. Черном, обжигающе-холодном, пропитанном болью и ощущением безнадежности.

А когда выплюнуло, я оказалась висящей под потолком какой-то каморки. Внизу на постели лежала молодая девушка. Простоволосая, в ночной сорочке. Молоденькая совсем. На вид лет восемнадцать, не больше. Правильные черты лица, чуть пухлые губы, смуглая кожа, лебяжья шея. На шее уродливым клеймом красовался след от удавки. И спрашивается, что ей на свете не живется? Не уродина, не калека, не старуха...

Смерть же, у которой эта девушка, видимо, была постоянной клиенткой, стукнула косовищем об пол, отчего дух суицидницы отделился от тела.

— Рейнара Эрлис, твоя душа все так же настойчиво хочет покинуть этот бранный мир?

Наблюдая эту сцену, я сначала слегка удивилась формулировке вопроса, а потом поняла, что он как нельзя точнее

отражает суть происходящего: да, покидает этот мир именно дух девушки, а тело остается в мое пользование.

— Да, всецело и полностью! — Пылкий ответ полупрозрачной девы оказался в духе юношеского максимализма.

Эфемерная суицидница так и не заметила меня, притаившуюся в углу. Все ее внимание было поглощено Смертью, которая что-то набирала у себя на планшете.

— Ну, раз ты так просишь... Пошли. — И костлявая протянула руку мятежной душе.

Полупрозрачная точеная кисть коснулась скрюченных пальцев, и они обе исчезли. Просто растворились в воздухе.

Я осталась наедине с телом. И как прикажете быть? Хоть бы инструкцию оставили, что ли, или напутствие в двух словах.

Памятуя о том, что мозг может продержаться без кислорода не более пяти минут, а потом наступает некроз, не стала терять времени даром. Подлетела к телу, дрыгаясь, как космонавт в невесомости, и попыталась улечься на него. Авось удастся воссоединить душу и тело.

Но то ли душа у меня была шибко грешная и тяжелая, то ли плотность этого тщедушного тельца подкачала. В общем, я позорно провалилась сквозь него на пол, а оттуда у меня были все шансы улететь и на нижний этаж. Но вовремя затрепыхалась, затормозила и пошла на второй заход, повторяя, как мантру, фразу, которая бы идеально подошла импотенту, попавшему в публичный дом: «Сейчас у меня получится, все получится...»

Увы, и на этот раз ничего не вышло. Определенно, я делаю что-то не так. Но что?

— В голову залезай, дурында, — раздался приглушенный старческий смех.

Как говорила моя бабка Софа: «Умными советами разбираются только дураки», правда, она имела в виду, что дают эти самые ценные указания чаще всего люди недалекие, а вот от истинного душой еврея дельного слова за просто так не получишь. Но отчего-то окружающие считали, что она подразумевает: «Нужно следовать тому, что умный человек толкует, а не отбрасывать его совет». И хотя я чаще всего была со-

гласна с трактовкой бабули, сейчас все же решила не пренебрегать напутствием Смерти и ввинтилась в голову той, кому жизнь оказалась не мила.

Гамма ощущений, что я сразу же испытала, была далека от приятной. Горло жгло, тело ломило, на грудь словно булыжник положили. Руки болели, ноги сводила судорога, и... это было здорово, потому как означало — я снова жива!

Захотелось рассмеяться, но изнутри вырвался то ли всхлип, то ли стон, а шею словно обвил раскаленный железный хомут.

В коридоре послышался звук шаркающих шагов. Дверь со скрипом приоткрылась, и сварливый женский голос произнес:

— А, очнулась-таки...

Слова звучали как-то странно, но суть сказанного я поняла.

В ушах почудился шепот костлявой: «Ты упорная, я таких люблю. Оттого лично от меня тебе два подарка, и этот — первый». Что за «этот», до меня дошло не сразу, а когда поняла, что подразумевалась способность понимать местную речь... Захотелось спросить, что собой представляет второй. Рекомендательное письмо? Или сифилис в крови этой Рейнары? У чернобалахонницы хватит чувства юмора на оба варианта.

Попыталась озвучить свои мысли, но удалось лишь прошипеть на манер гадюки:

— Шшшто ты... — на большее меня не хватило.

Зашедшая же в палату женщина, решив, что я обращаюсь к ней, оживилась:

— А я думала, что наутро за некромантом придется посылать, чтобы, значит, сотворил заклинание по тебе. Духовнику же молитв читать нельзя. Самоубийца как-никак... А ты гляди же, выжила. И чегось, спрашивается, в петлю-то лезла? Или решила — в тот раз с утоплением не получилось, удавка лучше будет?

Я закашлялась рваным, насадным с хрипом кашлем.

— Вот-вот, в следующий раз умнее будешь, — прокомментировала мои терзания посетительница.

Это она на что сейчас намекала? На новую попытку? Дескать, подумай: яд-то он вернее, и шея после него не болит.

— Где я? — прошипела, сделав неимоверное усилие.

— Там же, где и в первый раз была: в целильне Святой Себастьяны.

В воспаленном мозгу пронеслось: «Некромант, целильня...» Похоже, я попала значительно дальше, чем ожидала.

А еще запоздало закралась мысль: почему юная девушка так упорно пыталась умереть? Не из-за того же, что туфельки с новым платьем не сочетаются...

Когда судьба вырывает из привычной жизни и кидает в неизвестность, есть три пути: эволюционировать, мимикрировать, слившись со средой, или умереть. Последнее я пережила совсем недавно и повторять подвиг на бис не хотелось, первое было весьма проблематично в сжатые сроки. Оттого я решила прикинуться шлангом и не отвечать. А для пущей убедительности сделать вид, что лишилась памяти. Ну и части мозгов заодно. Ведь с альтернативно одаренных не только спрос меньше. Говорят, и жизнь так наладить легче. Проверим. А то красный диплом эконома меня довел лишь до работы, а та, в свою очередь, — до ручки.

— Ничего не помню... — начала отыгрывать роль, столь нежно любимую всеми латиноамериканскими сценаристами.

Поднапрягла память, вспоминая всех Хуанит, Марий и Терез, что обожали валяться в отключке и приходили в себя аккуратно с этой фразой на устах. Вот только у них она звучала не хуже горного ручья. У меня же выходило какое-то надсадное карканье. Надеюсь, так будет не всегда.

Меж тем собеседница (кстати, кем она была: сиделкой, сестрой милосердия, бдительной уборщицей?) впечатлилась. Правильно, навряд ли она закалена мыльными операми, где в течение ста сорока серий героиня лежит в коме, а на протяжении последующих двухсот тридцати — приходит в себя. Женщина всплеснула руками:

— О, Пресветлая Владычица, неужто и правду память совсем отшибло?!

Не знаю, кому был адресован вопрос. Наверное, все же этой блондиночке-властительнице, я-то со своей позицией точно определилась: ничего не знаю, ничего не помню, и все тут.

Впрочем, ответа вопрошающая и не ждала. Она подошла ближе, положила прохладную руку на лоб и, причитая: «Ой ты же бедная... а может, оно так и лучше все...» — начала то ли проверять, нет ли у меня жара, то ли убирать мокрые пряди с чела.

Под эти ахи-вздохи мое сознание медленно, но верно начало уплывать, и я провалилась то ли в бред, то ли в сон.

Второе пробуждение оказалось куда удачнее первого: хотя бы не выворачивало наизнанку, а боль в теле была хоть и ощутимой, но вполне терпимой. Вот только шею все так же немилосердно саднило.

Первое, что увидела, медленно открыв глаза, — беленый потолок. Кривенько так беленый, причем не единожды. С явными следами мазков свежей известки по точно такой же, но почерневшей то ли от сырости, то ли от копоти. Стены с облупившейся краской. Рассохшуюся оконную раму стрельчатого окна. Занавеску, знававшую свою юность как минимум полвека тому назад. А еще наличествовали предметы, явно намекавшие на то, что сия обитель сочетает в себе не только гостиную, спальню и трапезную, но и ванную: у стенки скромненько квартировал рукомойник.

Перевела взгляд и поняла, что недооценила степень удобств «люкса». Не только рукомойник, а полноценный санузел: недалеко от кровати гордо стоял ночной горшок. С замызганной крышечкой, зато розовый.

А справа от моего ложа находилась вполне себе приличная тумба. Из цельного дерева. Лакированного. На контрасте с этим единственным приличным элементом интерьера все остальное выглядело еще более убого и затрапезно.

Глиняная кружка с водой, две заколки, потрепанная то ли тетрадь в кожаном переплете, то ли ежедневник...

Стало любопытно: смогу ли я что-то прочесть? Раз уж местную речь понимаю.

Да, совать нос в чужие вещи нехорошо, но мне позарез нужно знать хоть что-то, чтобы суметь сориентироваться.

Трясущейся рукой взяла книжечку. Ни названия, ни надписи. Лишь на потертой коричневой коже, словно выжженная тонкой раскаленной иглой, монограмма по центру

в окружении вяза. Положила перед собой находку и попыталась открыть. Книга перевернулась целиком, на манер монолита. Создалось ощущение, что все страницы разом склеились. Занятно. Может, я не рассмотрела защелки? Пригляделась. Да вроде нет.

Взгляд блуждал по коричневой коже, по книжному корешку, а потом случайно упал на запястье. Смуглое, тонкое и... с татуировкой, точно повторяющей монограмму на обложке.

Сначала я испугалась: если и вещи и люди имеют одинаковые метки... Словно и я, и книга принадлежим кому-то одному.

В районе желудка появился ледяной комок. Заставила себя глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть. Запаниковать я всегда успею, как и впасть в уныние. А пока есть время, нужно подумать.

Машинально положила руку на книженцию, отчего рисунки соприкоснулись. Легкое тепло пробежало по предплечью. Уставилась на свою находку, которая вроде как даже попухла, и решила попробовать еще раз.

На этот раз страницы не слипались и даже наоборот: услужливо распахнулись в середине. Бисерный, явно женский почерк вел диалог с бумагой.

«22-е цветня 5947 года.

Дорогой дневник, лишь тебе я могу рассказать о нем. Таком чудесном, красивом и замечательном! Я увидела его только сегодня и поняла — влюбилась!

Сегодня в наш городок приехал отряд по зачистке. Мы с Сорией и другими девочками из гимназии ради такого решили сбежать с уроков, и не зря! Весь наш городок собрался, чтобы встречать спасителей, которые должны избавить честных жителей от кладбищенской напасти...»

Я читала откровения молодой девушки, впервые влюбившейся, даже не обращая внимания на то, что строки написаны явно не кириллицей. Мозг лишь машинально отметил: скорее всего, механические навыки тела, к коим относятся чтение, езда на велосипеде, умение плавать... Они не зависят от души и достались мне «в наследство» от предыдущей владелицы.

Сейчас меня гораздо больше интересовала жизнь некоей Рейнары Эрлис. Знания необходимы как воздух, иначе я очень скоро окажусь либо в сумасшедшем доме, либо на приеме у экзорциста. Это уж какую методику лечения в данном мире практикуют.

А чтение с каждой страницей становилось все занимательнее.

Некий Темный Эрвин Торон (да-да, именно так она и писала, с заглавной буквы все три слова) походя покорило сердце юной гимназистки. Сначала думала, что Темный — это масть вроде блондина или шатена, но дальше проскользнуло упоминание о его волосах «цвета золота». Потом решила, что это прозвище, подобное Хромому Дику или Пьянчуге Тому, но, как позже выяснилось, это была принадлежность к виду магии.

Так вот, этот блондинчик (как я про себя окрестила этого Эрвина) стал навязчивой мечтой Рейнары. Она влюбилась в него без памяти и умудрилась провести с ним ночь. На что рассчитывала, я вначале не поняла, пока не дошла до строк:

«Я думала, что он, как честный и порядочный человек, после всего, что между нами было, женится на мне. Иначе мое имя по его вине покроется позором, о чем и сообщила Эрвину наутро. А он... он лишь посмеялся, сказав, что это я к нему пришла, что это еще неизвестно, чья честь пострадала больше... Мне ничего другого не оставалось, как рассказать обо всем отцу в надежде, что батюшка найдет управу и, может, уже к вечеру я стану носить фамилию Торон...»

Дальше чернила расплывались. Видимо, хозяйка больше плакала, чем водила пером по бумаге, но общий смысл понять удалось.

Папочка, вместо того чтобы молчать, попер на залетного молодчика, как бык на красные «жигули», не подозревая, что машина — вещь хоть и не очень прочная, зато бегать на своих покрышках может гораздо быстрее, чем парнокопытная зверюга. В итоге к вечеру отряд по этой самой таинственной зачистке уехал.

Я же больше всего сожалела о том, что дневник юной барышни в период полового созревания — это вам не отчет, где все сухо и по делу. Тут в основном Рей изливала свои чувства

и впечатления. Так и не поняла, что за зачистка? Кого они почистили? Ясно же, что не ковры... А вот Рей осталась, как и слух о том, что дочка одного из уважаемых, пусть и небогатых семейств города, больше и не девица никакая вовсе.

Сплетня полилась по ушам и закоулкам, обрастая все новыми подробностями. Отец краснел за дочурку, хмурился, грозил монастырем, но именно что грозил, спуская пар. У меня даже закралась мысль, что не иначе сам по юности был грешен.

Зато маменька этой Рей развернулась вовсю. Как и младшие сестренки, которым выходка старшей грозила почетным статусом старых дев. А кто посватается к тем, чья старшая сестра честь не блюла? Вот если бы их приданое не уместилось в паре-тройке чемоданов, а выражалось в дюжине заводов-мануфактур, тогда другой коленкор, а так...

От Рейнары отвернулись и подруги, посчитав, что приятельские отношения с «блудницей» могут бросить тень на их репутацию.

День ото дня записи девушки становились все мрачнее. Маленький городок, строгие нравы, семья, где мнение окружающих и приличия ценятся выше чувств родных. Выслушай хоть кто-то глупую девчонку, которой лишь недавно стукнуло восемнадцать, не стала бы она топиться из-за своей несчастной любви, разочарования в идеале и осуждения толпы.

Невольно сравнила эту самую Рей с собой. У меня в анамнезе когда-то тоже значилось это первое и, как тогда казалось, взаимное чувство. Но, как говорится, чем печальнее первая влюбленность, чем она больше, тем больше ценишь истинную любовь, не спутаешь ее со страстью или поклонением.

У Рей это была именно влюбленность, и с самого начала стало понятно, что безответная. Из описания ее кумира выходило, что этому Эрвину около двадцати семи, он красив, умен, имеет титул и деньги, а для полного счастья ему не хватало лишь одного — обручального браслета (над последним я мысленно хмыкнула). Увы, с девушкой не оказалось рядом никого, кто бы это ей объяснил, как в свое время мне мама, когда увидела дочь заплаканной. А надо-то было сесть, обнять и выслушать, ничего не говорить, просто быть рядом.

Молчаливая поддержка порой действует лучше самых умных слов.

Когда в голове ума еще не поднакопилось, а давят со всех сторон, то самый простой выход — сбежать. Но если одни предпочитают вояж по миру, то другие — к праотцам.

Рей, не иначе из чувства: «Вот умру, и вы все будете плакать, я была хорошая, а вы не ценили», — решила воплотить в жизнь второй вариант.

Первый заход закончился неудачей: утонуть в пруду (а плавать, как оказалось, девица не умела, потому что ни разу в жизни не пробовала), воды в котором по плечо, было весьма проблематично, но Рей старалась. Даже камень на шею привязала, сгая с мостков. Наглоталась знатно, до остановки дыхания. И встретила с костлявой в первый раз. Та, знамо дело, дала ей от ворот поворот. А еще в качестве комплимента от шеф-повара — пендаль для ускоренной реабилитации. То бишь зажали на недоутопленнице все ссадины как на собаке. И даже воспаления легких Рей не подхватила, хотя вода в пруду была — далеко до парного молока.

Потом на randevу с костлявой девица набивалась при помощи укуса ядовитого паука (как ей самой казалось). Мне же отекая гортань и пятна по всему телу больше напомнили описание симптомов анафилактического шока. А рисунок паука, крестовика-переростка, на одной из страниц дневника и вовсе уверил в правильности догадки. Портрет представителя членистоногих с печальной подписью «несостоявшийся убийца» занимал целый разворот.

Дальше по чистой случайности шла взбесившаяся под деушкой лошадь. Думается, что при третьей встрече костлявая поставила напротив Рей пометку «постоянный клиент». И вот сейчас петля...

Мне оставалось несколько страниц, когда в коридоре слышались голоса. Один — той самой ночной визитерши, второй — категоричное и неприязненное сопрано.

Едва успела спрятать дневник, как дверь отворилась.

— Уже пришла в себя? — бросила с порога сухая чопорная женщина. — Даже покончить с собой нормально не можешь!

Все в ее облике: и тонкие поджатые губы, и неестественно прямая осанка, и черная вуалетка (траурная?), и строгое пла-

тье в пол в стиле Марии Складовской-Кюри — меркло по сравнению с флюидами презрения, которые она излучала так же убийственно и беспрестанно, как кусок полония — бета-частицы.

— А вы, собственно, кто будете? — осведомилась я, старательно скрывая, что каждое слово для меня — как нож в горло.

— Как — кто? Твоя родная мать!

«С такой матушкой и врагов не надо», — успело промелькнуть в голове, прежде чем я услышала:

— И раз уж ты очнулась, собирайся. Отныне ты больше не будешь выставлять нашу семью на посмешище. Отец оплатил взнос, чтобы тебя приняли в обитель Святой мученицы Азazelлы как послушницу...

Из всего услышанного я поняла только одно: в секту не пойду! А как иначе назвать монастырь, где есть членский взнос?

Я не для того вела переговоры со Смертью, чтобы остаток жизни коротать в монастырских стенах. Опустила взгляд на одеяло. Если месть — дитя злости, а изворотливость — сестра жажды жизни, то сейчас в моей душе эти родственницы собрались на срочный семейный совет.

Мозг лихорадочно соображал. Притвориться, что лишилась чувств? Трюк бы сработал, но только не в лечебнице, где симулянтков раскрывают на раз. Сопротивляться? Не факт, что я на ногах смогу устоять, не то что нокаутировать эту маман. А что, если... Лучшая ложь — полуправда.

Судя по тону этой «добросердечной» родительницы, она привыкла к беспрекословному подчинению. Такая если скажет: «Лети!» — разрешается лишь уточнить: «На какой высоте?»

— Да, конечно. — Я постаралась придать голосу как можно больше кротости и смирения, добавив: — Как скажете, маменька. — Последние слова выдавила из себя, как хирург — гной из фурункула: не жалея больного. Пусть горло жгло, главное, чтобы интонация не подкачала.

Правда, взгляда от одеяла все же не отрывала, боясь, что глаза могут выдать мои истинные, исключительно членовредительские чувства.

В хорошей постановке за репликой должно идти действие. Так, например, за восклицанием: «Бедный Йорик!» — лобзание черепа из папье-маше, после легендарного: «К нам едет ревизор!» — тараканьи бега и уничтожение двойной бухгалтерии, в индийском фильме за ритуальной фразой: «Ты моя сестра, у тебя такая же родинка на щеке...» — танец всех со слоном, или на слоне, или вместо слона...

Я решила последовать заветам Станиславского, Эйзенштейна и Хичкока, посему медленно откинула одеяло и начала вставать, демонстрируя всем своим видом согласие с уготованной мне участью.

— Поживее! — поторопила маман.

А я, когда начала вставать, поняла, что все же сумею вытянуть роль обморочной барышни, может, даже на Оскар: перед глазами замельтешили черные точки, а голова натурально закружилась. Но упорство — мое второе имя. Правда, бабушка Софа называла эту черту характера упертостью, когда со мной проще либо согласиться, либо пришибить. Я сделала еще шаг в лучших традициях осла, которому если что втемяшится в голову, то фиг перешибешь. Даже лопатой промеж ушей.

Зато перед взором стало уже совсем черно, и я полетела навстречу половицам, радостно поприветствовавшим меня гулким стуком.

Последнее, что услышала перед тем, как сознание окончательно померкло, была фраза родительницы: «Напоите ее тонизирующим зельем, чтобы не умерла по дороге».

Пришла в себя оттого, что меня тащили. Шустро и особо не церемонясь. С обеих сторон под мышки держали два дюжих то ли санитаров, то ли вышибалы, что иногда одно и то же.

— Ик! — приветственно выдала я.

На мне скрестились сразу два суровых взгляда.

— Молчу-молчу, — заверила я, пожимая плечами.

Хотя, когда тебя тащат на манер пропойцы, так что ноги волочатся по полу, это сделать весьма проблематично. О том, что я и сама уже в состоянии переставлять ходилки, не стоило и заикаться.

Может, этим архаровцам нравится тяжести вот так тягать? Тогда не буду лишать их возможности приятно провести время.

Я же с интересом туриста, впервые попавшего в Лувр, начала вертеть головой. Впереди маячила спина, как я понимаю, родительницы, бодро цокающей по гулкому коридору. Последний, к слову, достаточно широкий и не обшарпанный. Не чета моей «палате». На стенах красовались и парадные портреты солидных джентльменов в сюртуках, и камерные — в домашних шлафроках.

От созерцания одежды на картинах перешла к наряду собственному. Меня переодели. И, судя по всему, не родительница — она бы наверняка подавилась своим презрением и гордыней, натягивая на непутевую дочь платье. Скорее всего облачила меня та лекарка, которую я видела ночью.

Темно-зеленое поплиновое платье в мелкий рубчик с глухим воротом, застегнутое кое-как. По ощущениям, на мне сейчас наличествовали еще и пара юбок с панталонами. Башмаки так и норовили слететь с ног, а смоляная прядь, выбившаяся из косы, перекинутой через мое правое плечо, постоянно падала на лоб.

Впереди показалась дверь. Маман решительно ее распахнула, и по глазам резанул яркий солнечный свет.

Мой почетный эскорт, не сбавляя шага, ринулся в проем, который был явно уже, чем эти два бугая вместе, что уж говорить о довеске в виде моей скромной персоны.

На мгновение я почувствовала себя в родной стихии переполненного метро в час пик, и вот меня уже грузят в экипаж. Учтиво, как воришку средней руки — в каталажку.

Следом в карету забралась родительница и крикнула:

— В обитель Святой Азazelлы!

— Энто в дом скорби, что ли? — уточнил возница прокурренным до печенок голосом.

— Если понял, что переспрашиваешь, дурень? — гаркнула маман.

— Дык того, уточнить, шоб, значитя, накладочек не было.

— Пошевеливайся! — полетело из окошка чересчур дошному местному «водиле».

Колеса зашкрипели, меся дворовую грязь, а я поняла: вот он, мой единственный шанс.

— Чего смотришь на меня своими бесстыжими глазами?.. — только и успела сказать матушка.

Карету тряхнуло на очередной выбоине. Я полетела вперед, выставляя локоть. Сил у меня, недокоматозницы, было не больше, чем у кутенка, зато острый локоть, помноженный на массу тела и толчок от ухаба, сделал свое дело. Маман подавилась криком и засипела, ощущая все прелести удушья.

Когда мы учились в школе, нам повезло с обэжешником. А вот ему с нами — не очень. Класс, в котором двадцать три девочки и четыре пацана. А учитель — человек военный, хоть и в отставке. Ему нам про самооборону вещать, про поведение с террористом, про то, как вести задушевные беседы с маньяком, реши тот напасть, про первую помощь. А мы — двадцать три языкатые заразы. На одном из уроков, помню, плюнул он и в сердцах сказанул со своим дивным украинским акцентом: «Если вас хотят изнасиловать — спросите, возьмет ли этот злыдень писюкавый вас после сделанного в жинки. Насчет намерений — не факт, что передумает, но пара секунд форы, пока он соображает, у вас будет». На вопрос, а как же приемы самообороны, военрук заявил, что самая лучшая женская самооборона — это быстрые и длинные ноги, которыми надо шустро передвигать в противоположном от нападающего направлении. Но все же под конец урока он тогда расщедрился на демонстрацию: захват кисти и залом под углом. То, что могла при определенной удаче повторить любая из школьниц, наберись она смелости.

Помнится, мы тогда смеялись над Пашкой, который после внедрения одноклассницей Любкой теоретических знаний в жизнь стоял враскоряку, оттопырив руку и краснея. До сего момента этот эпизод мне казался забавным кадром из давнего школьного прошлого. Но вот сейчас я подошла к заплесневевшим знаниям с серьезностью Шлимана, раскопавшего-таки одну из стен Трои. А еще — с верой, что все должно получиться.

Обхватила рукой большой палец маман, резко дернула и выгнула назад.

Глаза противницы округлились, зрачки моментально расширились от боли, но крикнуть она не могла: не позволяло сдавленное горло.

Усилила натиск, наблюдая, как лицо напротив из пунцового становится бледным, а потом и вовсе чуть синеватым.

Убрала локоть и освободившейся рукой стянула со своего платья пояс. Кисть из захвата так и не выпустила, справедливо опасаясь, что пока лишь завеса боли не дает родительнице сопротивляться.

Когда вязала узел, стягивая запястья, мои руки ощутимо дрожали. А ведь нужен еще и кляп. Эта полуобморочная скоро оклемается и заголосит на всю карету.

Взгляд зашарил по экипажу, моему платью и одежде матушки в поисках подходящей затычки.

Кружева на шикарном съёмном воротнике было жаль: искусная работа. Тонкое, невесомое плетение поражало своей красотой и мастерством рукодельницы, что его плела. Судя по телодвижениям пришедшей в себя маман, ей тоже не понравилось то, что столь изящную вещицу ее туалета использовали по весьма интригующему воображению любителя БДСМ назначению.

Она отчаянно мычала, выражая протест. Но свое время родительница безвозвратно упустила. Оттого ей оставалось жевать кружево, которое было в этом качестве еще и весьма питательным: крахмала прачки не пожалели.

Со связанными руками теперь уже она зыркала на меня злобным взглядом. Я же заметила холщовую котомку, которая скромно притулилась под скамейкой. То, что надо!

Когда карета остановилась у ворот, я уже была готова. Решительно распахнула дверцу, не дожидаясь возникшего, едва увидев, что к экипажу спешит дородная дама в балахоне.

Я лишь склонила голову в знак приветствия, стараясь подражать чопорной леди.

— Лесса Ония! Я так рада, что вы все же решили поместить свою дочь в нашу обитель. Возможно, разум ее уже не спасти, но за душу девушки мы обещаем бороться... — Толстуха скрестила руки на груди, что, наверное, должно было

символизировать светлые помыслы и альтруизм по отношению к ближнему.

Я же лишь криво усмехнулась про себя: неприкрытая па-тока лести и то легче усваивается.

Тем временем то ли монахиня, то ли привратница местной дурки пыталась рассмотреть меня через вуалетку. Предусмотрительно поднятый воротник закрывал нижнюю часть моего лица...

— А... — начала было она.

Я бесцеремонно перебила, памятуя, что проще всего избежать неудобных вопросов, взяв инициативу на себя:

— У вас есть кто-нибудь, кто смог бы забрать мою дочь? Она упорствовала во грехе, оттого сейчас не совсем способна сама идти.

— Конечно-конечно, — засуетилась сутанница, оборачиваясь и взмахом руки подзывая помощника.

Из глубины двора к нам тут же двинулся мужик. «Все-таки не монастырь, а нечто среднее между богадельней и дурдомом, только с духовниками вместо аниматоров», — определила для себя. Открыв настежь дверцу кареты, я жестом указала на матушку. Ныне на ней красовалось мое платье, руки все так же были связаны, а на голове значился тот самый холщовый мешок. «Кавказская пленница» мычала, извивалась и норовила лягнуть наугад. Но мужик, похоже, видывал и не такое: вскинул ношу на плечо и без слов пошел обратно.

По тому, как заулыбалась толстуха, поняла, что за «швейцара» тут принято платить отдельно. Потянулась к поясному кошелью. Специально выгребла оттуда все золото и серебро еще перед тем, как приехали. Демонстративно отцепила мешочек с туго стянутой горловиной (зубами затягивала, чтобы сразу не открыть) и подала сестре божественного милосердия.

Та рассыпалась в заверениях, что с моей кровиночкой ничего не случится, она обязательно образумится и поправится. Я же села в карету и бросила кучеру: «На пристань», в последний момент вспомнив: Рей в дневнике писала, что именно туда она с подругами сбежала встречать отряд зачистки.

Сейчас я была в замешательстве: морем тут и не пахло, но кто же этот мир знает?

Зато я обладала иным сакральным знанием: подлог скоро обнаружится и начнется погоня.

Экипаж набирал скорость, а душу царапнуло: неужели мать может так относиться к собственной дочери? Может, все же эта ее надменность и желание уязвить — своего рода провокация? Защитная реакция для оправдания себя перед самой собой?

Чтобы дочь ответила резкостью на ее резкость, проявила себя «неугодным и неуправляемым ребенком, которому одна дорога — к специалистам». Тогда бы, вздумай Рей взбунтоваться, она, матушка, уже не ощущала бы вины за то, что решила упрятать дочурку в богадельню.

Но, так или иначе, теперь это уже не мое дело. Мое — гораздо более прозаичное и насущное — процесс удирания.

Дом скорби, как и всякое приличное заведение такого толка, находился за городской чертой. Пока мы ехали сюда, мне было слегка не до любования пейзажем за окном. А вот сейчас, отодвинув шторку, я могла наблюдать, как чахлые деревца, навевающие мысль о болотах, сменяются перелесками, а потом и вовсе полями. И наконец появился город. Точнее, городок. Сначала ветхие лачуги, окольцевавшие более богатый центральный район, подобно ассасинам, измором бравшим Иерусалим. За домами бедноты на холмах виднелись вычурные крыши всех возможных цветов. Парочка даже блестела не хуже церковных куполов, что покрывают сусальным золотом. Но больше всего меня поразило не это: да, морем в той дыре, куда меня занесло, и не пахло (во всех смыслах этого слова), но пирс был. И находился он на самой высокой точке. К нему только что причалил дирижабль. Лопастей здоровенной махины все замедляли ход, готовясь к швартовке.

Неровно сглотнула: в свете пережитого я начала слегка побаиваться высоты. Но оказаться в дурке боялась еще больше. Оттого из городишка, где мою предшественницу довели до самоубийства, надо было делать ноги, а то я их ненароком с такими родственничками протяну.

За окном гомон босоногой детворы с порепанными пятками перемежался с криками луженых глоток, глухими ударами и женской базарной трескотней.

Вокзал — он везде вокзал. Что железнодорожный, что водный, что вот такой вот — воздушный. Едва вышла из кареты, как меня поглотила суета, ввинчиваясь в мозг воплями, проникая в ноздри диким смешением запахов пряностей и нечистот, толкая под локоть спешащими пассажирами.

Да, городок оказался небольшой, скорее разросшаяся слободка, где многие знают друг друга в лицо, но не по имени. Насколько я успела понять, главной, а может, и единственной его достопримечательностью был вот этот вот порт. Он же и базарная площадь, и место казни, если судить по виселице, что расположилась в одном из углов. Последняя в лучших традициях гранд-дамы, для которой выйти в свет без ювелирных изысков — моветон, гордо демонстрировала в качестве драгоценной подвески висельника. Увы, плебс украшением не впечатлился, в отличие от воронья, с энтузиазмом дегустировавшего «шведский стол».

Кучер, спустившийся с козел, чтобы помочь, как он думал, своей госпоже, уставился на меня с выражением энтомолога, которому в сачок попал птеродактиль. По роли мне следовало бы гаркнуть: «Чего вылупился?» — или что там должна вещать госпожа прислуге? Но груз воспитаний, да и банальная разница в возрасте (как-никак возница оказался старше меня едва ли не втрое), претили такому обращению. Оттого я лишь поджала губы, крепче вцепившись в узелок, что был у меня в руках, и зашагала мимо застывшего соляной статуей кучера.

Все пожитки, которые удалось выудить из того холщового мешка, что украсил голову матушки, поместились в этот небольшой куль: батистовая сорочка, расческа, пара лент для волос, панталоны и чулки. У самой родительницы удалось разжиться звонкой монетой, которую я, памятуя о ловкости воришек во все времена, положила не в ручную кладь, а в самое надежное из хранилищ, личный сейф, так сказать. Остала лишь пара медяков в узелке.